

МАЛЬЧИКИ С БАНТИКАМИ

НФ
«ПУШКИНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА»
АСТ
АСТРЕЛЬ

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

ПИКУЛЬ

Валентин Пикуль

Мальчики с бантиками

«ВЕЧЕ»

1971

Пикуль В. С.

Мальчики с бантиками / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», 1971

«Мальчики с бантиками» – автобиографическая повесть о жизни обитателей Соловецких островов в стенах Школы юнг, где автор выступает в роли главного героя под именем Савки Огурцова.

© Пикуль В. С., 1971

© ВЕЧЕ, 1971

Содержание

От автора	5
Разговор первый	6
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валентин Пикуль

Мальчики с бантиками

*Они видели многое. Они совершали подвиги. Жизнь их была полна приключений.
Джек Лондон*

От автора

Юность... Она была тревожной, как порыв ветра, ударивший в откинтое крыло паруса. Эта книга и посвящается юности – нелегкой юности поколения, к которому я имею честь принадлежать.

Тогда было суровое время жертв, и мы были готовы жертвовать. Многие из нас тогда же ступили на палубы боевых кораблей.

Эту повесть составляют подлинные события. Но имена героев, как и названия некоторых кораблей, я сознательно изменил. А возможные совпадения – чистая случайность.

Технические и специальные термины я умышленно упростил, дабы не утомлять моего читателя.

Разговор первый

Еще ни разу в жизни я не видел ни одного юнга...

Я проштудировал четыре тома «Педагогической энциклопедии», безуспешно отыскивая в ней хотя бы намек на юнг. Энциклопедия добросовестно перечисляла все школы нашей страны – передового опыта и фабрично-заводские, не были забыты даже уникальные школы для поздно оглохших и слабо видящих от рождения.

Но нигде не была упомянута Школа юнг ВМФ – Военно-Морского Флота...

Размышляя над этим казусом, я спешил на свидание с Саввой Яковлевичем Огурцовым. Двери квартиры открыл не моряк, а человек в кителе служащего Аэрофлота.

– Простите, я, кажется, не туда попал. Мне нужен юнга Огурцов... Вернее, – поправился, – бывший юнга Огурцов!

– Проходите, – последовал краткий ответ.

Огурцов провел меня в свой кабинет, где ничто не напоминало о прошлом хозяина.

Большая библиотека говорила о любви Огурцова к русской истории. У меня глаза разбежались при виде книг, о существовании которых я даже не подозревал. А на столе я заметил дичайшее разнообразие вещей, тоже никак не определявших склонности хозяина к морю.

Лежала стопка книг по тропической медицине. В банке из-под сметаны покоилась жухлая трава, сорванная на поле Куликовом (это я выяснил уже потом). Тут же валялся молоко с гвоздями. А под лампой грелся холеный котик – черный, а глаза с желтизной.

– Итак, я к вашим услугам, – нелюбезно буркнул Огурцов.

Выслушав меня, он задумчиво погладил кота.

– Вы хотите написать книгу о юнгах? Но это почти невозможно. Школа юнг лежит ныне в руинах, а литературы о ней нет. Из славной летописи флота выпала целая страница, и этого никто даже не заметил. Печально!

– Но мне думается, – отвечал я Огурцову, – вы поможете мне. Вспомните. Подскажете. А кое-что, поверьте, я уже сам знаю...

Савва Яковлевич недоверчиво хмыкнул:

– Что же вы можете знать о юнгах? Сейчас все это уже история.

– Знаю! Например, мне известен даже такой факт, что вы попали на эсминцы, почти не владея одной рукой...

Хозяин сурово нахмурился:

– Да. Было со мною такое. А теперь... Смотрите!

Взял молоток и до самой шляпки засадил в стол гвоздище. Только сейчас я заметил, что стол у Огурцова был необычным. Грубо сколоченный из толстых досок, он скорее напоминал верстак.

– Очень удобно, – сказал Огурцов, отбрасывая молоток. – Такой стол можно очистить двумя взмахами рубанка. Терпеть не могу помешанных на лакированной мебели. Как правило, за такими столами сидят бездельники, которые не способны думать о работе. Они озабочены только одной трясогузочной мыслишкой – как бы не капнуть на полиранс, как бы не оцарапать его запонкой. А стол, – упоенно заключил Огурцов, – это не украшение жилища, а прекрасный плацдарм для распределения труда и мыслей...

Удары молотка не понравились коту, и он, недовольно фыркнув, прыгнул со стола. Я раскрыл свой блокнот.

– Может, расскажете, Савва Яковлевич, как же все начиналось в вашей жизни? Что привело вас к морю? И как вы попали на флот?

– Самые простые вопросы – самые сложные. Мне трудно ответить вам в двух словах. Вообще-то, – призадумался Огурцов, – море и корабли я любил с детства. А кто их не любит?

Во Дворце пионеров учился в кружке «Юный моряк». Помню, даже значок носил... голубенький такой. Тогда выдавали их. Не знаю, как сейчас. Конечно, мечтал о дальних странствиях. А кто о них не мечтает? Однако не забывайте, что ненависть к врагу у меня в душе воспиталась не по газетам. Так что, помимо морской романтики, было еще и великое желание воевать. А началось все с колеса...

– С какого колеса?

– С самого обыкновенного. С колеса товарного вагона на станции Вологда-Сортировочная. Да, именно с этого проклятого колеса и началась моя зрелая жизнь. С той поры прошло уже тридцать лет, а это колесо иногда еще накатывается на меня по ночам...

– Что ж, вот и название первой части. «Колесо»!

Огурцов сразу остудил мой горячий восторг:

– Заранее условимся, что каждую часть вашей книги я буду завершать своим очерком. Вроде эпилога. Моряки пишут худо, но довольно искренно, – это заметил еще Крузенштерн.

На прощанье я сказал:

– Возникли два мучительных вопроса...

– Заранее догадываюсь, о чем вы спросите. Вы увидели на столе книги по тропической медицине. Но человек должен много знать, а я... самоучка. Затем вы хотели спросить, почему я в этом кителе. Нет, я не летчик. Моя специальность – компасы. Я служу на аэродроме компасным мастером.

– А какие компасы на самолетах?

– Принцип прежний, проверенный – гироскопический. Ну а что такое гироскоп, вы еще узнаете от меня. Вам необходимо это знать, иначе с книжкой у вас ничего не получится... Всего вам доброго. До свидания!

Часть первая

Колесо

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих...*
Ломоносов

Ближе к ночи эшелон с эвакуированными из Ленинграда втиснулся в неразбериху путей на сортировочной станции Вологда. Город уже спал, и только вокзал еще бурлил насыщенной заботами жизнью – жизнью военного времени. Жесткие графики вдруг срывали с места стальные эшелоны, раздвигали стрелки перед молчаливыми составами, что укатывали в строгую весну года тысяча девятьсот сорок второго – года героического!

Кто-то сказал, что ленинградцев в Вологде кормят по разовому талончику. Бесплатно и без карточек. А столовая для эвакуированных из Ленинграда работает в городе даже по ночам.

В мерцающем свете путевых фонарей по-весеннему тяжелел грязный, истоптанный снег. Сыро было и зябко. Закутанный в платок своей бабушки, Савка на себе вытащил мать из теплушки на зашлакованную насыпь.

Идти было трудно, мать часто опускалась на землю. Савка поднимал ее и тащил дальше, окликая редких прохожих:

– Эй, где здесь блокадников кормят по разовому?

Был уже второй час ночи, когда они, изможденные и усталые от поисков, окунулись в теплую благодать барака, над дверями которого висела надпись: «Питательный пункт № 3».

– Сынок, – ожила мать, – а эшелон-то наш сыщем ли?

Тьма-тьмушая стояла за окнами барака. Савка понимал, что мать по-хозяйски тревожится за свое барахло, оставленное в теплушке. Там у нее даже швейная «головка», отвинченная от машинки «Зингер». А вот Савке ничего не жаль, кроме двух больших тетрадей, исписанных им в любовном прилежании. По праву считал он себя автором двухтомного труда по военно-морскому делу; картинками и чертежиками разукрасил свои рукописи.

Им подали гороховый суп. Савка ел неторопливо, как и все блокадники, маленькими глотками, с удивительной бережливостью к хлебу. Поначалу выбирал из супа всю жидкость, чтобы потом насладиться себя густотой горячего варева. Старуха-подавальщица по-доброму заметила Савке:

– Милый, не оставляй гущу на второе. Будет и каша.

– А какая, бабушка?

– Пшенка. Со свиным смальцем... Уж не обидим вас!

Кое-кто за столами барака умер, не доев своей пайки по разовому талону, и теперь смиренхонько, никому не мешая, сидел за сытным столом – в ряд с живыми. Но к нечаянным и быстрым смертям в дороге уже привыкли.

Обратный путь до станции оказался гораздо труднее, и мать все чаще садилась на землю. Тащить ее было не вмоготу, и Савка ослабел. А на сортировочной – столько путей и столько эшелонов, что казалось, в ночной темени они уже никогда не отыщут своего вагона. Лазать через высокие тамбуры они были не и силах, а потому Савка волоком тащил мать через рельсы, под вагонами.

– Наш или не наш? – спрашивала мать от земли.

Все теплушки казались одинаковыми, как бобы с одного поля.

– Найдем, – отвечал Савка. – Без нас не уедут.

Он снова поднырнул под тяжелую платформу, на которой сверкал инеем промерзлый танк, грозя в ночь хоботом орудия. Схватив мать за воротник пальто, Савка потянул ее через

рельс. Но сортировочная жила своим временем, своим напряжением. И едва удалось дотащить мать до середины рельса, как сработало неумолимое расписание. Издалека уже накатывался перезвон буферных тарелок, бивших все ближе и ближе... Удар! Эшелон тронулся.

– Ма-ама! – истошно прокричал Савка.

Большое колесо платформы черной тенью подкрадывалось к матери, которая лицом вниз лежала поперек рельса. Сидя на корточках под платформой, Савка пытался сдернуть мать на шпалы. Но последние силенки отказали ему, и мальчик в ужасе смотрел, как едет, медленно и неотвратно, жирное колесо, источая в темени ночи неживые запахи масла и гари...

– Мама, вставай! Раздавит же!

Мать слабо подняла голову. Колесо уже прищемило край материнского пальто... Но тут снова раздался звончатый перебой буферов. Савка не сразу понял, что эшелон еще не тронулся – он лишь брал разбег для долгой дороги. Колесо двинулось обратно, освобождая прижатый к рельсу край пальто матери. Они прижались к шпалам, а над ними, быстро наращивая скорость, пошло перекачивать вагоны, теплушки, цистерны и платформы.

Савка видел между бегущими колесами как бы узкий туннель, наполненный грохотом и воем гудящего железа. Вот ужеглянул просвет в конце туннеля, под самым последним вагоном. Савка не успел увернуться, и громадный крюк сцепления, болтавшийся в самом хвосте эшелона, сильно ударил его в плечо, проволочил по шпалам...

Ярчайше сияли звезды. Было тихо, когда Савка очнулся, а в отдалении еще помигивал красный огонек уходящего эшелона. Плечу сразу стало больно, но он встал. Подошел к матери, все так же безвольно лежавшей на шпалах.

– Пойдем, – сказал Савка.

...В эту ночь он явственно ощутил, что детство кончилось. Наступила иная пора жизни, которую он еще не знал, как назвать, но в которой нужно было отыскивать свое место...

* * *

А на грандиозном перегоне Вологда – Архангельск жизнь сразу повеселела. И хотя снежок за окнами поезда лежал еще не тронутый мартовским солнцем, воронье уже вовсю радовалось, галдя над лесными полянами. Да и вагон был уже не теплушкой, а настоящим купейным дальнего следования – с полками для сна, даже с зеркалами. Военные угостили Савку куском сахара, и он охотно сообщил им:

– Вот везу... маму-то! Уже немного осталось.

– До Архангельска?

– Ага.

– К родным, выходит?

Савка показал конверт последнего письма от отца.

– И адрес имеется – номер полевой почты. Он у меня не как-нибудь... Комиссар!

– Это фигура, – оценили его отца военные. – Только, милый, номер полевой почты – это еще не номер дома.

– Я найду. Только бы в Архангельск поскорее... Чего уж!

Вот и конец пути. Вокзал – на левом берегу Двины, а город – на правом. Моста через реку нет, и пассажиры дружно топают через подталый лед. Даже не верится, что там, в этих улицах города, в хитросплетении корабельных мачт, где-то сейчас находится отец Савки, который еще не ведает, что они уже здесь, только на другом берегу... Савка сгрузил все вещи в горку на перроне вокзала, поверх скарба усадил мать, и она ткнула кулаком в синий узел, проверяя:

– Машинка-то еще здесь? Здесь будто...

Савка перед уходом строжайше наказал ей:

– Ты сиди, пока я папу не найду. Главное, стереги чемодан – в нем мои сочинения.

По скользкой, наезженной санками тропе он съехал с берега на лед реки. Где же искать отца? Напрасно он расспрашивал прохожих, показывал им конверт:

– Где тут найти – вот по такому номеру?

– По номеру? Не знаю, – отвечали прохожие.

А один даже повертел конверт в руках, потом сказал:

– Ну и комик же ты, приятель!

Забрел Савка и на почту, где выстоял длинную очередь, чтобы задать все тот же вопрос. Но и здесь его постигло жестокое разочарование:

– По номерам полевой почты справок не даем...

Его уже шатало. От голода. От холода. От недосыпа. Плечо сильно болело, и Савка заметил, что пальцы левой руки разжимаются с трудом.

В пустынной сберкассе, куда Савка зашел обогреться, за стеклами окошечек сидели две барышни. Яростно и жарко пуляла искрами железная печка.

– Тебе тут чего? – спросили барышни.

– А... нельзя? – ответил вопросом Савка.

– Можно. Только не укради чего-нибудь.

– Чего у вас красть-то. Мне бы так... погреться. Из Ленинграда я, из блокады. Приехал вот... а не знаю...

Отношение к нему сразу переменялось, и Савка снова тряс конвертом, рассказывал про отца, что тот служит на кораблях, и не как-нибудь, а комиссаром.

– Так тебе в Соломбалу надо.

– А что это такое? – спросил Савка, запоминая.

– Остров. Ну, как в Ленинграде – Васильевский. В Соломбале, на второй лесобирже – флотский Экипаж. Старый кирпичный дом в пять этажей. Вот там свой конверт и покажи...

Пришлось опять переходить речку, и – правда! – показался большущий домина казенного вида, без занавесок на окнах. Возле пропускного пункта похаживал румяный матрос-новобранец с винтовкой. Ему было явно скучно, и он припугнул Савку штыком:

– Вот я тебя на шомпол насажу, а потом изжарю!

Савка штыка не испугался.

– Нашел чем пугать... ленинградского-то! Мне бы вот комиссара Огурцова. Может, слышал?

– А ты кто такой? На што тебе сдался комиссар?

– Так я же его сын буду... Савка Огурцов!

– Минутку. – И матрос стал куда-то названивать.

Скоро явился запаренный рассыльный в бушлате.

– Вот этого пацана – в политотдел.

– Есть! – развернулся рассыльный.

Он провел Савку на третий этаж, в просторный кабинет, где за столами (под плакатами, зовущими к победе) сидели и что-то писали четыре морских офицера. Савка понял, насколько он плох, когда при виде его один офицер схватился за голову, второй свистнул, третий охнул, а четвертый, самый деловой, спросил:

– Что делать с ним для начала? Мыть или кормить?

Состоялась краткая дискуссия, в которой Савка скромнейше участия не принимал. Коллективно было решено – сначала кормить, но не до отвала, чтобы не помер.

– Иди на камбуз, но соблюдай норму. Потом ешь сколько влезет, а поначалу воздержись. Отец твой на тральщиках, мы ему сейчас позвоним, и он скоро прибудет...

Столовая в Экипаже – громадный зал вроде театра, и в глубь его тянутся столы, столы, столы... Они накрыты к обеду – миски, ложки, чумички, а вилок матросам не положено. Сбежались официантки. Сочувственно охая, усадили Савку за отдельный стол и сами уселись

напротив. Горестно подпершись руками, женщины смотрели, как он подчистую умял и первое, и второе, и третье. Одна из них, постарше, сказала ему:

– Нам не жалко. Мы бы еще дали, да из политотдела звонили. Не велено тебе сразу много есть.

Опять явился рассыльный и объявил Савке весело:

– Ходи вниз по трапам. Тут недалече... только до баржи!

Привел он Савку на баржу, вмерзшую в лед под берегом, а на барже была мыльня. Пожилой матрос-банщик спросил строго:

– А вша у вашего величества имеется?

– Хватает, – робко признался Савка.

– Тогда сымай все с себя, кукарача!

Первым делом банщик пожелал остричь Савку под машинку.

– Нагнись. Я тебя под нуль оболваню.

Савкины пожитки он завязал в узел и поднял его двумя пальцами.

– Вша, – сказал матрос внушительно, – животная загадочная. Когда человек в тепле, в счастье и в сытости – ее нету! Как только война, смерть, голод и горе людское – тут она появляется, стерва, и ты скребешься, как не в себе... Вот что, – закончил он, – от прежней шикарной жизни оставляю я тебе пальтишко, порты да валенцы. Остальное в печку брошу.

– Кидайте, – согласился Савка. – Чего тут жалеть?

Моясь казенным мылом, он заметил, что его левое плечо все синее от удара поездным крюком. В трюме баржи – жаркая парилка, лежат на полках исхлестанные веники. Когда Савка вымылся, банщик бросил ему все чистое – морское. От кальсон и тельняшки исходил особый – казенный, что ли, – запах.

– Флот жертвует, – сказал банщик, довольный собой.

Отец прибыл в Экипаж, отрывисто спросил сына:

– А где мать?

– На вокзале, с вещами. Я тебя искать пошел.

Быстро подали базовый грузовик. Отец сел в кабину с шофером.

– Жди! – крикнул. – Сейчас привезу...

Вернулся скоро. Выбрался из кабины и только теперь поцеловал сына. «Где же мама?» – подумал Савка, и, словно отвечая его мыслям, отец показал рукою на кузов машины:

– Она... там.

Савка глянул через борт грузовика. Мать лежала, ровно вытянувшись на спине, посреди узлов, уже распоротых ножами вокзальных жуликов. Широко открытыми глазами она смотрела на яркое весеннее солнце. Смотрела, уже не мигая от его блеска.

– Пойдем, – сказал Савке отец.

А кладбище в Соломбале было старинное, могилы там перевиты цепями, и в грунт последнего людского пристанища вцепились ржавые якоря.

* * *

Отец поселил сына в комнатенке, снятой на время в деревянном соломбальском доме, на самом берегу речушки Курьи. Далекие возгласы горнов, поющих по утрам на дворах Экипажа, неустанно зывали к подвигам. Проснешься – и сразу видишь в окне, за бутонами пышных гераней, путаницу снастей, неразбериху корабельных рангоутов. Все напоминало о море. Кажется, Соломбала издревле так уж устроена, чтобы уводить подростков в заманчивые дали морских скитаний. Отсюда, от ее причалов, где сейчас рычат дизеля «морских охотников», начинали свои пути Лазарев и Чичагов, Литке и Русанов, Седов и Воронин! От могилы матроса, погибшего у мыса Желания, прямая дорога приведет тебя в кривые проулучки Солом-

балы, и ты постучишься в дом, где живут его потомки. Именно здесь рождались и росли скитальцы-непоседы, которым хорошо только в море. Даже дети Соломбалы, до позднего вечера играя на воде, поют свои особые песни.

У папы лодку попросил,
Ремнем мне папа пригрозил:
– Вот те лодка с веслами,
Мал гулять с матросами!

В город Савка даже не заглядывал. Днями пропадал на улицах и речках Соломбалы, бродил возле пристаней, вдыхая едкую гарь судоремонтных мастерских, и не раз блуждал в лабиринтах лесобиржи, среди штабелей леса, уложенных в «проспекты». Соломбала – старейшая верфь России, и жители ее не ведают почвы под своими ногами: дома стоят на многовековых отложениях щепок и опилок – отходов от строительства кораблей, давно пропавших в походах, забытых.

Оттого-то, наверное, жилища соломбальских мастеровых и погружались в зыбкую землю, словно тонущие корабли в пучину. Идешь по скрипучим мосткам, а вровень с ними глядят на мир форточки первых этажей – хозяева уже перебрались на второй этаж. Над речками Соломбалы, будто в Венеции, перекинуты горбатые мостики, а берега их вплотную заставлены лодками, весельными и моторными.

По весне залило Соломбалу обширным половодьем, но жизнь продолжалась обычным порядком. На моторках плыли в школу дети, на лодках плыли из магазинов бабки с авоськами, а возле дверей парикмахерской покачивало на волне катера соломбальских мужиков, стоявших в кильватере, чтобы побриться и освежиться.

Настало лето. Иногда, наскоками, отец навещал сына.

– Тебе надо поправляться, – говорил он.

После блокады Савка испытывал постоянный голод и готов был есть с утра до ночи. Отец отдавал ему свой «сухой» бортпаек офицера: тресковую печенку, бруски желтого сливочного масла и тушенку. Приносил в бутылках хвойный экстракт.

– Пей вот. Да не кривься. Это спасает от цинги.

Как-то отец принес большую розовую семгу.

– Не вари ее и не жарь, – сказал он Савке. – Ешь, как едят поморы, – сырую. Отрежь ломтик, посоли и съешь.

– Папа, ты сам поймал?

– Нет. Когда «охотники» швыряют на врага глубинные бомбы, то после взрывов всплывает масса оглушенной рыбы. Очумелые, кверху брюхами, виляют хвостами... Зрелище не из приятных.

Лето выдалось жаркое. Архангельск как тыловой город еще не знал светомаскировки, и по вечерам его бульвары и набережные освещались уютными огнями. Посреди Двины, рея флагами США, Англии и Канады, стояли толстобокие транспорты типа «либерти» и «виктория». Вдоль берега сидели на корточках чистоплотные, как еноты, малайцы и стирали свое белье, еще не просохшее после вчерашней стирки. Возле них примостились матросы-негры – сами грязные, как черти, они усердно крахмалили белоснежные воротнички и манжеты. А рядом купались белые полярные медведи из цирка шапито, и это разнообразие настраивало Савку на приключенческий лад...

Появился отец, взъерошил Савке волосы.

– Поздравляю. Тебе сегодня исполнилось четырнадцать.

– Разве? А я и забыл...

Отец рассказал, что немцы приближаются к Волге, образован новый фронт – Сталинградский.

– Сегодня у нас митинг. Будем выкликать добровольцев в морскую пехоту...

В июле буйно отцветала северная черемуха. Она совсем скрывала дома соломбальских мастеровых. В один из таких дней Савка от нечего делать поплелся на перевоз и еще издали заметил, что от реки в сторону Экипажа валит нескончаемая колонна подростков, почти его одноклассников – чуть постарше. В руках мальчишек тряслись фанерные чемоданы, болтались на спинах родимые домашние мешки. Вся эта ватага, галдящая и расхристанная, двигалась неровным строем в сопровождении вспотевших от усердия флотских старшин.

– Эй, кто вы такие? – крикнул Савка.

– Юнги, – донеслось в ответ.

– Какие юнги? – обомлел Савка. – Вы откуда взялись?

Из рядов ему вразброд отвечали, что они из Москвы, из Караганды, из Иркутска, с Волги. Старшина отодвинул Савку прочь:

– Не мешай! Разговаривать со строем нельзя.

А дальше все было как во сне. Одним махом Савка домчал до дому, из чемодана выхватил два тома своих сочинений и понесся вдоль речки Курьи, не чуя под собой земли, в сторону Экипажа. Юнги уже прошли через ворота в теснины дворов флотской цитадели, и Савка нагло соврал часовому:

– Я же с ними! Ей-ей, отстал на перевозе.

Штык часового откинулся, освобождая дорогу в новый волшебный мир, который зовется флотом. Иногда бывает так, что судьба человека решается в считанные минуты. И да будут они благословенны! Стоял июль – жаркий июль сорок второго года.

Хроника тасс (июль 1942 года)

1 – на севастопольском участке фронта германские войска ценою огромных потерь продвинулись вперед; завязались рукопашные схватки.

4 – на курском направлении ожесточенные танковые атаки противника. Советские войска оставили Севастополь.

5 – в Баренцевом море советской подводной лодкой торпедирован германский линкор «Тирпитц».

14 – ожесточенные бои советских войск с группировкой противника, прорвавшейся в район Воронежа, и тяжелые бои с наступающими силами врага южнее Богучара.

15 – советские войска после ожесточенных боев оставили Богучар.

17 – советские войска оставили Ворошиловград.

21 – налет советской авиации на Кенигсберг.

23 – югославские партизаны за последние 12 дней заняли семь городов.

24 – ожесточенные бои в районах Воронежа, Новочеркасска и Ростова.

Растет партизанское движение в Польше; убийство германских полицейских стало повседневным явлением.

27 – британские войска на египетском фронте отошли на исходные позиции.

30 – оккупация японскими войсками островов Ару, Кэй и Тенимберских близ Северной Австралии.

Митинг на Трафальгар-сквер в Лондоне с участием около 70 тысяч человек обратился к правительству с призывом ускорить открытие второго фронта...

Это был горячий, изнуряющий июль, когда на советском флоте появилось новое воинское звание – юнга!

* * *

В гулких коридорах Экипажа не протолкнуться, всюду галдеж молодых голосов. Прибывший молодняк невольно терялся в новой обстановке, а потому, дабы чувствовать себя увереннее, земляки держались друг друга. Скучивались москвичи, волжане, сибиряки, ярославцы.

Савке совсем некуда было приткнуться.

– Ленинградских нету? – спрашивал он.

Нет, питерских не было, давала себя знать блокада. Савка почувствовал себя отрезанным ломтем. В коридоре ему встретился какой-то мичман с аршинной ведомостью в руке; на ходу приложив бумагу к стене, он что-то наспех исправлял в ней.

– Где тут в юнги записываются? – спросил его Савка.

– Ты откуда такой свалился? – буркнул мичман, зачеркивая в ведомости: «Копч. сел., 300 г» и заново вписывая: «Мясо, 75 г». – Экипаж только принимает годных к службе на флоте и бракует негодных, а отбор в юнги проходил по месту жительства...

– Выходит, другим и нельзя? – обиделся Савка.

– Другие – отвались!

– А если я море люблю? Если жить без него не могу?

– Как угодно, – ответил, уходя, мичман. – Можешь помирать. Только не здесь, а валяй на улицу.

Сотрясая коридор Экипажа, мимо пронеслась большая толпа кандидатов в юнги, и каждый восторженно потрясал белым листком, еще чистеньким, без отметок и помарок. Савку подхватило и понесло за ними.

– Вы куда, ребята? – спрашивал он на бегу.

– На комиссию. Для первого опроса.

– А что это за опрос такой?

– Если б знать! Говорят, по всем наукам гоняют.

– Я тоже с вами, – не отставал от них Савка.

– А где лист у тебя?

– Какой?

– А вот такой. Для комиссии.

– Нету листа! – отвечал Савка и мчался дальше.

Перевели дух возле дверей кабинета, где заседала комиссия. Через толпу ребят пробирався хмурый капитан третьего ранга, и вдруг он цепко схватил одного юнгу за локоть.

– Покажи руки! Это что у тебя?

Руки были испещрены татуировкой. Капитан третьего ранга грубо распахнул куртку и обнажил грудь кандидата в юнги, разрисованную русалками и якорями.

– Дай лист, – приказал офицер и тут же порвал лист в клочья. – Можешь идти. Ты флоту не нужен.

– Простите! – взмолился тот. – Это можно свести... сырым мясом прикладывать... Дурак я был...

– Сведешь – поговорим! – Капитан третьего ранга открыл дверь в кабинет. – Входите по одному. Кто первый?

Первого выставили с треском через три минуты.

– Сразу засыпали, – говорил он, очумелый. – Мол, политически неподкован...

– Следующий! – потребовали от дверей.

Кто-то сзади больно треснул Савку по затылку, он влетел в кабинет и узрел пред собой грозное судилище.

– Где твой лист? – спросили от стола.

Савка выдернул из-за пазухи бухгалтерские тетради, заполненные «собственными сочинениями».

– Вот сколько листов! – сказал он в растерянности.

За столом оживились:

– Что это тут у него? Ну-ка, ну-ка...

На обложках было аккуратно выведено: «Военно-морское дело». Внутри тетрадей, под рубриками дебета и кредита, был размещен текст, украшенный рисунками на морские темы. Потому и разговор начался узкоспециальный.

– Какие огни несет судно, стоящее на рейде?

– Штаговый и якорный гакабортный.

– Что такое штаг и что такое гакаборт?

Савка отрубил слово в слово, как у него было записано в тетради.

– Каких систем якоря знаешь?

– Знаю по алфавиту: Болда, Гаукинса, Денна, Инглефильда, Марелля...

– Стой, передохни! Какой якорь принят на нашем флоте?

– Холла. Самый надежный. С поворотными лапами.

Капитан третьего ранга нацепил очки, притянул к себе Савкины тетради.

– Хочу знать имя автора, – сказал он и вдруг спросил: – Ты случайно не родственник нашему комиссару?

– Это мой отец.

– А обходного листа нет?

– Нет.

Капитан третьего ранга извлек из стола чистую анкету, вписал в нее фамилию, имя и отчество Савки, потом спросил:

– В каком родился?

– В двадцать восьмом.

– Не пойдет. Хорош ты парень, но... мал. Набор в юнги производится среди тех, кому уже пятнадцать.

– Клянусь! – ответил Савка. – Мне пошел пятнадцатый.

– Ладно, – слегка подобрел капитан третьего ранга. – О чем мы толкуем, ежели под носом телефон стоит. Позвоним отцу. А ты, товарищ Огурцов, пока выйди и поскучай за дверь.

Скоро его позвали обратно в кабинет.

– Отец не возражает. Мы тоже. Забирай лист. Первую отметку «годен» ты уже получил. Не подгадь на медицинской комиссии. Там мы тебе помочь не сможем: врачи у нас строгие...

* * *

Отбор в юнги шел безостановочно, жестоко разделяя мальчишек на годных и негодных, на счастливых и несчастливых.

Врачи заняли гимнастический зал, отодвинули к стенкам спортивные снаряды. Подростков гоняли от стола к столу. Голые, они стыдливо прикрывались обходными листами, на которых появлялось все больше непонятных записей. Поспешность сверстников заразила и Савку: он тоже начал метаться между столами, по диагонали рассекая зал, от одного врача к другому.

Седой дядька в больших чинах обстукал его.

– Наклонись. Выпрямись. Руки вперед. Глаза закрой. Раздвинь пальцы... Водку пил?

– Нет. Что вы!

– Куришь?

– И не думаю.

– Когда собираешься?

– Что?

– Курить.

– Пока не хочется.

– Ну и ладно. Тощий ты, правда. Но на флотских харчах откормишься. Иди с богом на вертушку... Кто следующий?

Садиться в кресло-вертушку было страшно. Как раз перед Савкой одного кандидата в юнги так повело в сторону, что, полностью потеряв равновесие, он врезался лбом в стенку.

Красивая врачиха во флотском кителе велела Савке:

– Садись. Зажимаю руки. Ноги в ремни. Начали!

В одну полоску сразу вытянулись все лица, неслась перед глазами – уже без углов! – стенка зала, слились в одно окно. Но вот добавилось вертикальное вращение. Теперь кресло кувыркалось. Сплошная матовая дуга стала пестрой, и Савка уже не знал, где пол, где потолок.

Неожиданная тишина. Внезапный покой.

– Вылезай, – сказали ему, освобождая ремни.

Едва коснулся пола, как швырнуло в сторону. Савка сделал шаг, и его тут же вклеило грудью в подоконник. «Все пропало!» – было его первой мыслью. Но у докторов на этот счет, очевидно, было какое-то свое мнение, и по движению руки красивой врачихи Савка догадался, что она пишет ему «годен».

– Теперь на силомер, – сказали ему.

Из рук врачихи он благодарно принял лист.

– А что со мной было? – спросил неуверенно.

– Ничего страшного, – отвечала она с улыбкой. – Ты, мальчик, наверное, будешь в море укачиваться. Но пусть это тебя не пугает... Адмиралы Ушаков и Нельсон тоже укачивались.

Савка занял очередь на силомер. Поинтересовался:

– А как тут? Не слишком придираются?

– Ерунда! – отвечали ему. – Нужно рвануть от пола рычаг, чтобы стрелка прибора указала не меньше семидесяти.

– Чего «семидесяти»?

– Килограммов, конечно.

Савка глянул на свой лист. Такого счастливого результата он сам не ожидал. Всюду «годен», «годен», «годен». Осталось заполнить последнюю графу на силомере, и тогда флот, издавна зовущий и такой заманчивый, сразу приблизится к нему. Дрожа котельными установками, дымя из широких труб эсминцев, флот обласкает его теплым дыханием воздуходувок...

Семьдесят килограммов!

И как назло острая ломота потекла от плеча вниз, пальцы будто налились ртутью. А очередь двигалась с роковой неумолимостью. Юнги рвали от пола рукоять прибора, который точно оценивал мускульное напряжение. На силомере гораздо чаще, чем у других столов, слышалось бодро-подгоняющее:

– Отходи! Следующий... Так, отходи! Следующий...

Судьба наплывала на Савку, как то вагонное колесо в ночи, безжалостное и равнодушное к его мальчишеской доле.

Ближе, ближе, ближе...

Сколько он выжмет? Ну, сорок. Не больше.

Что делать? Как быть? Только бы не разреветься!

Савка сделал шаг в сторону из очереди...

Сто двадцать пять граммов хлеба в сутки, холод нетопленных жилищ, взрывы снарядов в соседних домах, ночные зарева пожаров – все это, вместе взятое, еще держало его в кольце жестокой фашистской блокады.

«Нет, мне не выжать!» И он выскочил в коридор.

* * *

В коридоре толпились счастливицы, уже прошедшие все стадии проверки. Кто-то сзади положил руку на плечо Савке. Перед ним стоял остроскулый, чуть косоватый паренек, улыбался по-хорошему.

– Ты каковский? – спросил он, явно радуясь жизни.

– Был ленинградский, а теперь... Вон мой дом виднеется.

– А меня зовут Мазгутом Назыповым.

– Узбек ты или... Откуда будешь?

– Татарин касимовский буду. Касимов знаешь?

– Нет.

– Ну, я тебе расскажу потом... Давай дружить, хочешь?

– Еще бы! А ты море видел?

– Откуда мне его видеть было? Из Касимова?

– А чего же тогда на флот пошлепал?

– Чудак-человек! Кто же от флота откажется? Ты вот скажи, сколько раз «Мы из Кронштадта» смотрел?

– Два раза.

– А я – четыре. Есть хочешь?

– Всегда хочу, – ответил Савка.

– Я тоже, – помрачнел Мазгут. – Знаешь, у нас в Касимове голодно. Я уезжал, так в доме куска хлеба не было... Но скоро нас поведут на обед. Это правда, что на флоте компот дают?

Савка живо обернулся к новому товарищу.

– Мазгут, ты мне сам дружбу предложил, так? Вот и выручи меня. Бери мой лист, ступай в зал и дерни там ручку на семьдесят килограмм. А?

– Что, сам не можешь?

– В том-то и дело. После цинги. И рука болит.

Назыпов слегка отодвинулся от Савки:

– Лучше я тебе свой компот за обедом отдам.

– Зачем он мне? Ты дерни лучше за меня.

– А если застукают? Тогда ни флота, ни компота.

Савка даже обиделся:

– Ты же моря не видел! На что оно тебе-то?

Они разошлись, и Савка, ища поддержки, придвинулся к компании великовозрастных юнг, которые прятали сигарки в кулаках, тоже довольные жизнью. Среди них выделялся здоровяк, говоривший этак небрежно, кривя толстогубый ротище:

– Мы тут с ребятами из нашего двора магазинчик один накололи. Взяли патефон с пластинками, даже Лемешева пластиночки попались, конфеты «Кис-кис» и четыре бутылки водки. Ну, засыпались всей бражкой. Мне – повестка: явиться тогда-то в милицию, к следователю. А тут шухер пошел по городу, что пацанов постарше в юнги записывают. Я вместо милиции к военкому. Ну, парень я здоровый, меня – сюда. А то бы засадили.

Довольный собой, он размял сигарку о радиатор парового отопления и зашвырнул окурок в угол коридора.

– А что нам! – добавил, не унывая. – Мне уже почти семнадцать. Еще бы годок покрутился дома, потом призыв – и в окопы. Так лучше уж в юнги. Тачка-то от нас не убежит!

Савка выбрал удобный момент и дернул силача за рукав.

– Как фамилия? – спросил он его.

Тот даже посерел от ярости:

– А ты кто? Из угрозыска, чтобы фамилию спрашивать?

– Да нет, я так. Мне бы кого посильнее.

– Или в ухо захотел посильнее? Могу по благу устроить.

– Постой! Меня вот, например, зовут Савкой Огурцовым...

– А что мне с того? – наступал на него верзила.

– Будь другом, – взмолился Савка. – Вижу я, что тебе сил девать некуда. Так спаси – выжми за меня...

– Что тебе выжать надо?

– Да эти килограммы. Хотя бы семьдесят! Здесь, смотри, народу сколько, все голые бегают, врачи уже затыркались с нами. Для них мы все на одно лицо. Будь другом...

Парень призадумался. Взял у Савки анкету.

– Идет! – сказал бодро. – А фамилию мою ты запомнишь на всю жизнь – Синяков...

Витька Синяков. Ясно?

Разделся, прикрыл себя Савкиным листом и смело шагнул в двери гимнастического зала. Скоро вернулся обратно.

– Я без очереди пролез. Сто двадцать пять, не мало ли?

– Ой, куда мне столько... Хватило бы и семидесяти! Вот спасибо, вот спасибо... Так выручил, так выручил, так выручил!

Витька Синяков проворно пролез ногами в штаны.

– Я с твоего «спасибо» здоровее не стану, – отвечал он. – И помни, хилак, твердо: Витька Синяков даром никому и никогда ничего не делал и делать не будет...

За стенами Экипажа навзрыд пропели тревожные горны.

Свершилось!

* * *

Вот он, самый вожаемый миг – получение моряцкой формы. Впервые для них, еще вчера бегавших в школу, специально для их слуха распелись соловьями старшинские дудки:

– Ходи до баталера. Бегом по трапам!

И хотя в здании Экипажа обыкновенная лестница с перилами, отныне она становится трапом, столовая – камбузом, уборная – гальюном, полы – палубами, потолки – подволоками, пороги – комингсами, а стены – переборками. Ошибаться никак нельзя, иначе засмеют!

Длиннющие очереди выстроились возле дверей баталерок, в нетерпении ожидая, когда можно будет покрасоваться матросской формой. Баталеры запускали на склады человек по двадцать. Юнги вставали шеренгой вдоль длинного, как на базаре, прилавка. На прилавке были заранее уложены кучками вещи, начиная от ремня с бляхой и кончая шинелью. Кто возле какой кучки встал, тот ее и получил, без всяких примерок.

Отовсюду неслись душераздирающие вопли:

– Товарищ старшина, бескозырка – словно таз!

– Отрасти кумпол пошире, – отвечали баталеры.

– Мне обувь – сорок четвертый размер попался.

– Твое счастье! А здесь не универмаг, чтобы копаться.

– А где же ленточка к бескозырке? – спрашивали юнги.

При этом вопросе взмокнувшие баталеры сатанели:

– Ты что? Первый день на свете живешь? Или папа с мамой не говорили тебе, что ленточка выдается только тому матросу, который уже принял присягу?

– А-а-а...

– Вот тебе и «а-а-а»! Забирай хурду и отчаливай.

Савка трепетно похватал свои вещички и понесся к лестнице Экипажа, на ступеньках которой юнги спешно переодевались. Все коридоры были забросаны пиджаками, джемперами, сорочками, футболками; всюду валялись полуботинки, спортсменки и сапоги (встречались даже лапти). Савке повезло: случайно ему досталась форма от малорослого моряка, и он, недолго думая, раздобыл мелу, начал яростно надраивать бляху на ремне. Многие юнгам еще неясно, никто не понимал значения «галстука», который должно носить только при шинели или при бушлате. Наконец все переоделись, простились с узлами и чемоданами, распихали по карманам формы дорогое и заветное. Юнг повели в актовый зал Экипажа, велели снять бескозырки, но сесть не позволили.

– Кино покажут, – говорили одни.

– Не кино, а концерт шарахнут.

– Сейчас речугу толкать будут, – подозревали другие.

На сцену вдруг вышел комиссар Экипажа:

– Двери закрыть. Смир-рна! Слушай приказ...

Это был знаменитый приказ наркома обороны за номером 227, который зачитывался только перед военными. В крутых и резких словах было сказано начистоту, что дела наши плохи; что отступать больше нельзя; что решается судьба всего советского строя и всей великой русской нации; что пора покончить с паникерами; что главным девизом армии и флота отныне должны быть слова: «Ни шагу назад!».

Слушали затаив дыхание. Комиссар не допустил никаких комментариев к приказу, ничего не добавил от себя. И без того все было ясно.

– Старшины! Выводите людей.

– Головные уборы на-а-деть! Выходи строиться...

Нестройной колонной вытянулись на улицы Соломбалы; какая-то старуха перебежала юнгам дорогу, испуганно крестясь:

– Хосподи-сусе, всего-то годочек отвоевали, а уже деток малых на войну тащат. Свят-свят, с нами крестная сила!

Угасли последние огни глухих окраин Архангельска.

– Идти чтоб с песнями! – послышалась команда.

В самом начале колонны возник, струясь в полумраке, чистый серебряный голос:

Все вымпелы вьются, и цепи гремят —
Наверх якоря выбирают...

Тысяча юных голосов повела песню по печальной дороге, еще не ведая, куда эта дорога ведет.

Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят одни
Геройскую гибель «Варяга»...

От «Варяга» давно и следа на воде не осталось. Но его флаги вечно будут реять над русскими морями.

* * *

Кажется, пришли. Показался лагерь барачников, обтянутых колючей проволокой. С высокой будки, где стоял часовой, плацы лагеря подсветили лучом прожектора. Витька Синяков оповестил всех:

– Это, братцы, пересылка. Сейчас дадут нам по сроку без адвоката, и – прощай, мамочка, загубил я молодость во цвете лет...

Никто не засмеялся. Из болотистого леса тучами налетали комары. Старшины развели юнг по баракам, отвечали одно:

– Спать, ребята, спать. Отвыкай спрашивать!

Савка с самого начала решил, что станет дисциплинированным юнгой, и когда ему велели спать, он тут же безмятежно заснул на голых нарах. А пока он дрыхнул, юнги побойчей не терялись. Судя по тихой возне, всю ночь напролет происходил свободный обмен формы. Савка утром встал, а шинель на нем уже волочится по земле. Фланелевка сама собой выросла до колен. Клеши тащатся по лужам, пояс брюк расположен выше груди. Бескозырку тоже подменили: теперь она, паря над ушами, свободно вращалась на стриженной макушке. В довершение всего ноги болтались в обуви, словно в ведрах. В таком виде Савка мало напоминал бедовых матросов из фильма «Мы из Кронштадта». Никак он не походил на скитальца, альбатроса и гордого ценителя океанов!

От обиды поплакал он в уголку, чтобы никто не видел, и пошел жаловаться старшине барака. Тот, замотанный до предела, только отмахнулся:

– А где ж ты был, когда тебя переодевали?

– Я спал, – отвечал Савка.

– На флоте никто не спит. На флоте лишь отдыхают.

Впрочем, старшина утешил его, пообещав, что по прибытии на место службы всем юнгам подгонят форму по росту. Особенно трудно было справиться с брюками. Савка и ремнем-то их у пояса перетянул, и снизу-то до самых колен загнул, а все лишнее, что болталось выше ремня, премудро свесил наружу с напуском. Ради идеалов стоило и пострадать!

С утра юнг уже строили между рядами барачников. Экипажные старшины, во всем черном, как большие гладкие кошки, двигались вдоль шеренг мягко и неслышно, словно присматриваясь к добыче, из которой следовало в ближайшие дни выпустить бесшабашный дух.

– Внимание! Никто не имеет права выходить с территории лагеря. Самовольщики поплачутся. Писать письма родным можете сколько угодно, но все письма будут отправлены лишь с места постоянной службы. А сейчас... вывернуть карманы!

Расчет был правильным: сколько имелось куряк среди юнг, все высыпали табак на землю.

– Юнгам курить не положено, – заявили старшины.

Витька Синяков зычным басом спросил:

– А ежели я с одиннадцати лет курящий... подыхать мне?

– И подохнешь, если с одиннадцати начал. Шаг вперед!

– Мне?

– Исполнять команду.

Синяков шагнул вперед. Как и следовало ожидать, старшины обнаружили при нем табачище, припрятанное на будущее.

– За неисполнение приказа – один наряд вне очереди.

– За что-о? – взвыл Синяков.

– Два наряда – за разговоры. Повтори!

– Ну, есть два.

– Без «ну»!

– Есть – без «ну»: два наряда... А за что-о?

После обеда Синяков дружески подсел к Савке:

– Как тебе понравилось на флотской малине?

– Мне пока нравится. А тебе как?

– Жить можно, – отвечал Синяков. – Если ты еще и гальюны за меня выдраишь, так совсем хорошо будет.

– А наряды получал не я, – возразил Савка.

– Силу богатырскую тоже ведь не ты демонстрировал в Экипаже. А я ведь тебя предупреждал, что Витка Синяков даром ничего не делает. Не пойдешь гальюны драить, я кому надо капну, что ты смухлевал в комиссии. Тогда тебе такого пинкаря с флота дадут, что будешь только лететь и назад оглядываться.

– Ладно. Пойду. Выдраю.

– А еще с тебя десять хлебных паек, – добавил Синяков.

Придется отдать. Чтобы шума не поднимал.

* * *

Спору нет, народ собрался разный... В основном – горожане, дети пролетариев и интеллигентов. Как это ни странно, очень мало юнг вышло из семей моряков. Больше всего явилось из провинции, где и моря-то никогда не видели. Но из русской истории известно: знаменитые флотоводцы, как правило, родились в раздолье полей и лесов, детство провели на берегах тихих, задумчивых речек, где водились скромные пескари, никогда не мечтавшие об океанах.

Были среди юнг и такие сорвиголовы, что перешли линию фронта, чтобы не жить в оккупации. Были детдомовцы, серьезные покладистые ребята, потерявшие родителей или никогда их не знавшие. Были и беспризорники, которых милиция подобрала на вокзалах, где они погибали от грязи и голода, попрошайничая или воруя. Наконец, был один парнишка из партизанского отряда, который уже изрядно хлебнул военного лиха, прежде чем исполнилась его мечта о море.

Сытых среди юнг не встречалось, а молодые растущие организмы требовали обильной кормежки. Война внесла свои жестокие нормы, и хлеб по карточкам приобрел для людей особый вкус и ценность. Оттого-то юнги, попав на флотский паек, вдохнув ароматов камбуза, обрели чудовищный аппетит, который не могли позволить себе прежде. Появились и «шакалы», что с утра до вечера маячили возле камбуза, обещая кокам вымыть баки из-под супа, в чаянии, что за это им что-либо перепадет. Подростки с более гордым характером кланчить не могли, зато изобретали свои способы предельного насыщения.

Мазгут Назыпов первым протянул Савке руку.

– Здравствуй. Ты на меня не сердишься?

– Нет. Я нашел другого.

– Вот и хорошо, – обрадовался Мазгут. – Давай условимся так: сегодня за ужином ты съедаешь мою и свою горбушку, а завтра я ем за тебя и за себя... Согласен?

– Конечно. Две горбушки всегда лучше.

К ним подошел рослый красивый подросток, который случайно слышал их разговор. Он сказал, что ему все это нравится.

– Включайте и меня в свою комбинацию. Съесть три пайки сразу еще лучше, нежели только две. Кстати, будем знакомы – Джек Баранов, москвич, будущий подводник.

– А почему ты Джек? – спросили его.

– Вообще-то я чистокровный Женька. Но я не понимаю, почему хуже называться Джеком. Вы Джека Лондона читали?

– Здорово пишет!

– Со временем собираюсь писать не хуже.

– Ого! Джек, но пока ты не Лондон, а только Лондоненок.

– Идет и это! Я разве обижусь? Итак, кинем жребий.

Но жеребьевку пришлось отменить за неимением монет и спичек. Договорились на словах, что обжорствовать начинает Савка: сегодня ему предстоит слопать сразу три пайки!

За ужином юнгам объявили, что завтра придут врачи. При этом у Савки екнуло сердце: опять станут крутить и щупать каждого. А вдруг обратят внимание, что левая рука у него не в порядке? Но старшины тут же его успокоили:

– Завтра всем будут сделаны уколы! Не отлынивать...

Большие чайники ходили вдоль длинных столов, а перед Савкой лежали сразу три горбушки хлеба. Только он было вознамерился запивать их чаем, как сзади к нему подкрался Витька Синяков:

– А-а, вот ты где затаился от суда истории...

Заметил три горбушки и заграбастал их себе.

– Ого, сколько ты напакатил! С тебя еще семь таких же. Войди в мое трагическое положение: курить охота, а хлеб при случае можно обменять на табак. – И похлопал Савку по плечу, чтобы тот не раскисал: – Не плачь, дитя, не плачь напрасно. Спроси любого грамотного, и тебе скажут, что наесться на ночь вредно.

Перед отбоем Савку прижали в угол Джек с Мазгутом:

– Слушай, ты зачем отдал наш хлеб этому прохиндею?

Савка признался, что, если бы не этот Синяков с его развитыми бицепсами, не видать бы ему флота как своих ушей.

– По-моему, – сказал на это Джек Баранов, – Витьке хлеба не давать, а лучше сообща набьем ему морду.

– Набей! – возразил Мазгут. – Ты ему банок накидаешь, а он доложит, что Савка врачей обдурил.

После чего друзья решили несколько вечеров поголодать, но чтобы Савка сразу рассчитался со своим вымогателем.

– И больше с ним не связывайся, – внушали они ему. – Врачей пока избегай. Приживись на флоте, чтобы тебя оценили. Попадешь на корабль, там доктора не такие живоглоты, как в тылу. Там тебя подлечат и – порядок... Пошли спать, ребята.

Но от Синякова не так-то легко было отвязаться.

– Уже кололи тебя? – спросил он Савку утром.

– Во какой шприц... А тебя?

– Моя нежная натура этого не выносит. Будь другом, подставь врачам попку и за меня. Назовись моей фамилией, как я когда-то назвался твоей... Или забыл услугу?

Пристав к очередной партии юнг, Огурцов покорно спустил штаны и принял второй укол. С болью чувствуя, как входит в тело игла, Савка уяснил для себя житейскую истину: одна лож цепляется за другую, и из маленькой лжи вырастает большая ложь...

За два дня он рассчитался с Синяковым хлебом:

– Мы в расчете, и больше ко мне не лезь.

– Насколько я понимаю в политике, – ответил Витька, потрясенный честностью Савки, – ты моим верным вассалом быть не желаешь.

– Не желаю. У меня другие друзья.

Синяков откусил сразу половину пайки. Жуя хлеб, промычал:

– Ну, валяй. Посмотрим. Кстати, что у тебя с лапой? В каких дверях тебе ее прищемили? Может, ты инвалид какой?

Савка побежал прочь. Ну и липуч, проклятый.

* * *

До самого конца июля томились юнги по баракам, отрезанные от общения с городом, лишённые права переписки. Старшины читали им строевой и дисциплинарный уставы. Но эти книжки навевали на юнг непроходимую тоску. Не веселее казались и строевые занятия, отработка шага и поворотов между стенами унылых бараков.

Тоска ожидания иногда рассеивалась лекциями комиссаров о славе и героизме русского флота. Изучали юнги и винтовку с гранатой – это уже охотно! Ни одного кинофильма юнгам не показали.

На все вопросы старшины отвечали:

– Умей ждать. Флот любит терпеливых ребят.

Среди юнг стали блуждать самые нелепые слухи.

– Вот гадом буду, – клялся один, – если совру. Это уж точно: всех нас скоро забабахают на Землю Франца-Иосифа.

– Вранье! – отвечали ему. – Сейчас каждого из нас втихаря проверяют, а потом станут готовить в десант. Севастополь обратно брать! Кто накроется – тому вечная память. А кто живым из десанта вернется, того допустят до сдачи экзаменов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.